

„Дома“, отвѣчаетъ та. Мать испугалася еще пуще.—„Пошли, говоритъ, его на фабрику узнать, отчего отца долго нѣтъ“.—„Нѣтъ“, отвѣчаетъ дочь, хотите, чтобъ съ имъ было тоже, что съ папашей“.

Утромъ идетъ зять на фабрику, собираетъ рабочихъ и спрашиваетъ: „а кого вы сварили ночесъ“. Тѣ дивятца, бѣгутъ хъ котлу и достаютъ изъ его одежду и кости самага барина.

Такъ и сталъ зять хозяиномъ имѣнья, какъ рѣченъ былъ Богомъ.

Боровичскій у. 1903 г.

51. С и р о т а.

Жила была на свѣтѣ одна бѣдная вдова съ мальчикомъ сыномъ. Жили оны такъ бѣдно, што имъ нѣнашто даже было купить иконы. Наступило лѣто. Вдова отдала на лѣто сына въ другую деревню въ пастухи за три цѣлковыхъ. Когда лѣто прошло, малецъ получилъ три рубля и идетъ домой. Идетъ это енъ по деревни и видитъ: стоитъ посередѣ улицы осталившие толпа людей. Енъ подходитъ. Народъ стоитъ кружкомъ, а въ кругу лежитъ образъ и мужикъ. Малецъ спрашиваетъ: „што это вы туточку дѣлаете, мужички“?—„А вотъ хотимъ наказать мужика и Миколу“.—За што?—„А за то, што слова не держать“.—Дѣло то жъ было такъ. Приходитъ одинъ мужикъ къ другому и говоритъ: „дай мнѣ въ займы три цѣлковыхъ до Покровѣ. — Дать-то оно не што, да вить, не отдашь.—Отдамъ.—Врешь, не отдашь.—Отдамъ, за миня Микѡла поручитце.—Ну, если Микола поручитце, то дамъ. Пойдемъ хъ часовню“. Пришли. Мужикъ, што просилъ денегъ въ долгъ, бухъ на колѣни предъ Микѡлаемъ Чудотворцемъ и молитъ: „Святитель милосливой! поручись за миня ему, што отдамъ хъ Покрову три цѣлковыхъ“. И заговорила икона голосомъ человѣчьимъ: „повѣрь, мужичекъ, ему три цѣлковыхъ, енъ отдастъ, а если не отдастъ, то я уплачу“. Мужикъ „повѣровалъ Богу“ и далъ въ займы три рубли. Наступилъ Покровъ. Мужикъ идетъ къ должнику и спрашиваетъ долгъ.—„Охъ, другъ ты мой любезной, отдалъ бы со всимъ удовольсьвомъ, да денегъ нѣтъ“. Товда

мужикъ пошелъ въ часовню и спрашивать у иконы: „ты поручилсе за Ивана, такъ давай долгъ“. Но молчитъ икона. Онъ вдругорядъ сталъ требовать, а икона ни слова. Товда мужикъ собралъ обчесво и пожаловалсе на мужаика и на образъ. И присовѣтовало обчесво отодратъ розгамъ мужаика, а икону продать за то, што смотала.

Малець выслухалъ и говоритъ: „продайте, мужички, мнѣ образъ. — Да што, говорятъ: оно и впрямъ продать, а то какой же ето Богъ, коль онъ смоталъ“. И продали мальцу икону за три рубли. Приноситъ малецъ образъ домой, мать обрадовалася, што хотъ теперь у ихъ Богъ будетъ въ домѣ.

Въ тотъ же день постучалсе хъ имъ старичекъ и попросилсе обогрѣтца. Мальчикъ пустилъ старичка. Пока старичекъ грѣлсе на печки, вдова собрала на столъ, поставила похлебку, положила остатнею краюху хлѣба и думать: „а што, какъ хлѣбушка то на троихъ не хватить?“ Позвала старичка: сѣли и стали ѣсть. Только смотреть вдова, а краюха, сколь оны ни ѣдятъ, все та же: нисколь не уменьшаетце.

Передъ вечеромъ мальчикъ собираетце идти за дровами. Хочетъ идтить съ имъ и старичекъ. „И, што ты, дѣдушко! Гдѣ же тибѣ дрова рубить, да тибѣ и не дойдить до лѣсу“. — „Ничего мальчикъ! Какъ нибудь съ Божьей помощью“, говоритъ старикъ. Пришли въ лѣсъ. Глядитъ мальчикъ: гобзить старикъ дрова, словно молодой. Нарубили дровъ и пошли домой. Утромъ мальчикъ всталъ и хотѣлъ итить въ лѣсъ за дровамъ. Глядь, а дрова то у его стоятъ подъ окошкомъ. — „Дѣдушко! Кто же это дрова-то привезъ хъ намъ? — Видно, зоблитце о насъ Господь“, говоритъ старикъ. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Старикъ все еще живетъ и работаетъ вмѣстѣ съ мальцемъ.

Вотъ разъ старикъ и говоритъ: „пойдемъ въ городъ“. Городъ стоялъ на берегу моря. Тамъ люди строили корабли и ѣздили на ихъ торговать разнымъ товаромъ загранишнымъ. Старикъ съ мальчикомъ купили маленькихъ досокъ и стали строить карапъ. Смотрятъ на ихъ другіе корабельныи мастера и дивятце: „што за чудныи мастера! Кажисъ и досочки то у ихъ маленьки и сами двое, старой да малой, а какъ все садитце у ихъ склеписто и хорошо“. Наконецъ построили карапъ.

Въ ту пору два купца собирались на суднахъ ѣхать за море въ чужое царство. Поѣхали вмѣстѣ и старикъ съ мальчикомъ. У купцовъ товару всякого пропасть, а у старца съ мальчикомъ на суднѣ пусто. Дорогой старецъ и говоритъ: „пристанемъ хъ острову да надѣлаемъ кирпичей“. Такъ и сдѣлали. Нагрузили судно кирпичомъ и поѣхали упять въ ту же сторону. Дорогой догнали купцовъ и вмѣстѣ (испр. вмѣсто вмѣстѣ) съ имъ приплыли въ заграничное царство.

Въ той земли былъ обычай — подносить царю подарки, чтобъ онъ дозволилъ безошлинно торговать. Купцы отсбрали самага лучшаго товару и отправились хъ царю. Вмѣстѣ съ имъ пошелъ и малецъ, захвативъ съ собой по совѣту старца грузной узелокъ. — „Ты што несешь царю?“ спрашиваютъ у его дорогой купцы. — Кирпичину, отвѣчаетъ малецъ. — „Што ты, выбрось скорѣе, а то изъ за тебя царь пожалуй и насъ прогонитъ вонъ“. — „Нѣтъ, говоритъ малецъ: какъ велѣлъ мнѣ дѣдушка, такъ я и сдѣлаю“.

Приходятъ. Купцы поднесли царю свои подарки. Подносить свой и малецъ. Царь приказалъ развернуть узелокъ. Вдругъ осіялъ весь дворецъ. Оказалось, што кирпичина обратилась въ огроматной самоцвѣтной камень. Царь осталсе очень доволенъ подаркомъ, но не разрѣшилъ купцамъ торговать, пока оны не прокараулятъ три noci у его умершей дочери.

А хъ царской дочери сидѣла окаянная сила. Днемъ царевна спитъ, а какъ наступитъ ночь, встаетъ изъ гроба. Царь кажинную ночь приставлялъ хъ ей новой каравуль и кажинную ночь поѣдала она каравульщиковъ. Жители города были очень недовольны этимъ и ставили по очереди на каравуль стариковъ. Царь обѣщалъ огромныи деньги тому, кто еѣ излѣчитъ, но не находилось лѣкаря.

Когда купцы получили отъ царя приказъ караулить дочь — а отъ людей той земли оны уже слыхали о томъ, што царская дочь вѣдьма, — оны страшно перепугались. Не хотѣлось имъ итить на вѣрную смерть, а ослушатце царя не смѣли. Поискали оны въ городѣ охотниковъ, но не нашли. Тогда обратились къ мальцу: „возьми съ насъ по тыщи рублей и покаравуль за насъ“. Малецъ по совѣту старичка, согласилсе прокараулить за ихъ и за сибя подрядъ три noci.

Вечеромъ малецъ, захвативъ съ собою, по наученью старичка, книжку и лозья, пришелъ въ церкву, гдѣ лежала царевна, очертилъ около себя кругъ, положилъ лозье и сталъ читать книжку. Вдругъ обручи на гробѣ лопнули, крышка слетѣла, и царевна поднялась и сѣла въ гробу. — „Ага! надоѣло мнѣ старье да храпье, такъ батюшко прислалъ мнѣ на ужинъ молоденькаго да красиваго. Вотъ полакомлюсь то“. Вылѣзла изъ гроба и прямъ къ мальцу. Волосы растрепаны, глаза окрачены (испр. изъ окорачены), ротъ распяленъ, сама страшѣнная. Ужъ руки протянула, чтобы сцапать мальчика и сглотать, да черта не пускаетъ. Малецъ схватилъ лозье и давай ее бить лозьемъ-то на отмашку. Начала она давить, и полѣзло изъ ей все гадье, да все мѣдяницы. Когда запѣли пѣтухи, царевна убралась въ гробъ и заснула.

По утру приходитъ хъ церкву сторожъ по обыкновенью подбирать костье и хъ удивленью увидѣлъ мальчика цѣлымъ и невредимымъ.

На слѣдующую ночь малецъ упять каравулилъ. Старецъ далъ ему на этотъ разъ другую книжку и мѣдное прутье. Малецъ отстегалъ царевну мѣднымъ прутьемъ и еще больше выгналъ гадья. На третью ночь старецъ далъ мальцу третью книжку и стального прутья, которымъ малецъ выгналъ все гадье до остатку изъ царевны, такъ што она послѣ пѣтуховъ ужъ не легла въ гробъ, а стала дремать.

Когда по утру донесли царю, што царевна оживилась, онъ очень обрадовалсе, приказалъ читать надъ ей евангельскія книги, пока не спало съ ей все волшебсво. Гадье же хъ церкви велѣлъ скопляютъ и хъ печки жечь. Потомъ когда царевна совсѣмъ выздоровѣла, онъ порѣшилъ отдать ее замужъ за мальчика. Тотъ было хотѣлъ отказатце, но старичекъ, онъ же Миколай Чудотворецъ, велѣлъ взять ее, но съ условіемъ, чтобы сразу же послѣ свадьбы ѣхать съ ей домой хъ матери. Царь согласилсе отдать дочь и на этомъ условьи, „все, думаетъ, лучше хотъ въ чужихъ людяхъ жить, да живой, чѣмъ въ своей, да больной“. Послѣ сварьбы наградилъ зятя съ женой и старичка деньгами и имѣньемъ и отправилъ ихъ по морю домой.

Дорогой старецъ и говоритъ: „вотъ што, малецъ, мы съ тобой деньги вмѣстѣ добывали, такъ давай вмѣстѣ и подѣлимъ“. — „Давай, подѣлимъ“, отвѣчаетъ малецъ. Старецъ раз-

ложилъ деньги на три равныя кучи. „Дѣдушко! говоритъ малецъ: мы съ тобой двое деньги добывали, зачѣмъ же третья куча?“—А это твоей женѣ.—Да вѣдь она ихъ не добывала.—„А ужъ это мое дѣло“, говоритъ старикъ. Такъ и подѣлили. Старикъ унять и говоритъ: „мы съ тобой и жену вмѣстѣ добывали, давай раздѣлимъ и жену пополамъ“ Жалко было мальцу жену, но не смѣлъ перечить старцу.— „Какъ же, дѣдушко, дѣлить то ее?“ —„Руби пополамъ!“ отвѣчаетъ тотъ. Малецъ разрубилъ жену пополамъ, а старецъ взялъ обѣ половины тѣла ея, вымылъ внутренности въ воды и унять приставилъ одну хъ другой обѣ половины. Оны срослись, и стала царица живая, красивая и здоровая, еще лучше, чѣмъ до болѣзни.

Когда прѣхали хъ дому, старецъ отдалъ мальцу свою часть денегъ, простилсе съ имъ и ушелъ. А малецъ съ молодой женой и съ матерью стали жить да поживать, да добро наживать.

Воровичскій у. 1903-г.

52. С у д ь б а.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ, жилъ-былъ царь съ царицей и молодымъ царевичемъ. Когда царевичъ выросъ, царь и говоритъ ему: „вотъ что, сынъ мой дорогой, ты теперь большой и потому пора тебѣ ума набираться. Погуляй-ка по бѣлому свѣту да посмотри, какъ люди живутъ. А чтобъ съ тобой чего не случилось, такъ возьми съ собою дядьку“.

Царевичъ съ дядькой помолились Богу, сѣли на коней и поѣхали. Обѣхали они всѣ царства и наконецъ добрались до синяго моря, въ которое текутъ рѣки со всего свѣта. На берегу моря стояла большая гора. И слышатъ они, что въ горѣ той что-то стучить, какъ въ кузницѣ.— „Пойди, говоритъ царевичъ дядькѣ, узнай, что тамъ за кузнецы куютъ!“ Подходитъ дядька къ горѣ и видитъ окошечко; заглянулъ туда и увидалъ, что два человѣка куютъ безъ молотковъ.—„Богъ помочь! говоритъ онъ имъ.—Просимъ милости.—Что вы тутъ дѣлаете?—Куюмъ судьбу.—